

Александр Солженицын

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ, ТОМ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

КРАСНОЕ КОЛЕСО

ПОВЕСТВОВАНИЕ

В ОТМЕРЕННЫХ СРОКАХ

УЗЕЛ III

МАРТ СЕМНАДЦАТОГО

КНИГА 4

От имени Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов в Европу послан интернационалистский Манифест «К народам мира». Революция разливается по стране, автор показывает нам фронт, деревню, железные дороги, Церковь, донских казаков, волжское купечество и возвращается каждый раз в Петроград, где читатель наблюдает, как самозванный Исполком фактически контролирует и направляет Временное правительство. В редакции «Правды» — разногласия верного ленинского последователя Шляпникова и прибывшего из сибирской ссылки Каменева (свергать Временное правительство или поддерживать?). Ленин из Цюриха сговаривается через германского посла о своём беспрепятственном проезде с группой единомышленников через воюющую Германию — в Россию.

АЛЕКСАНДР

СОЛЖЕНИЦЫН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

КРАСНОЕ КОЛЕСО

ПОВЕСТВОВАНИЕ

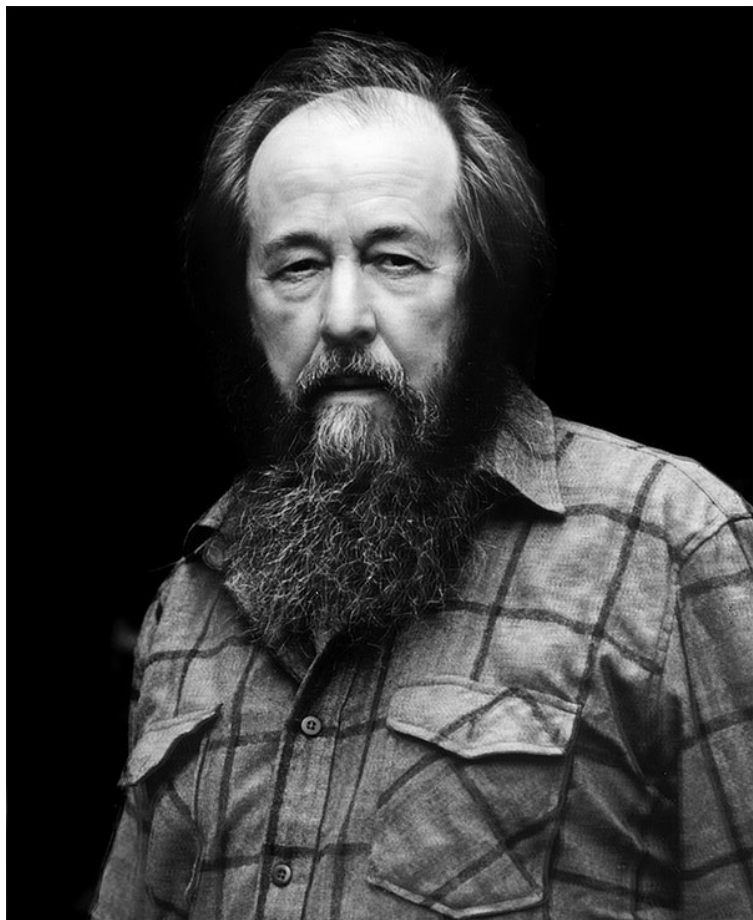
В ОТМЕРЕННЫХ СРОКАХ

УЗЕЛ III

МАРТ СЕМНАДЦАТОГО

КНИГА 4

Вермонт, 1982

УЗЕЛ III

МАРТ СЕМНАДЦАТОГО

23 ФЕВРАЛЯ — 18 МАРТА СТ. СТ.

КНИГА 4

ДЕСЯТОЕ МАРТА

ПЯТНИЦА

532

Сегодня приснилось, что Епифановна подаёт ему телеграмму. И он сразу почему-то понял, что телеграмма та — не простая, но — *астральная*. Павел Иванович взял её, она была не от руки написана телеграфисткой и не печатающим аппаратом, — а типографски. И сразу же он увидел: к ней есть и примечание, мельче, внизу. И по своей книжной привычке, большому вниманию к сноскам, он стал сразу читать не главный текст, а примечание. Однако буквы петита оказались чересчур мелки — или искажались, едва на них падал взгляд? — начинали плыть. Тогда он скорей поднял глаза на главный текст — но и тот был упущен, уже размывался. Ни слова не прочёл. И холодея понял, что это путает нечистая сила: не хочет, чтобы люди узнали важное глубинное известие.

Проснулся.

Сон показался таким значительным — сейчас же его записать, несколько слов на листок, при ночнике, потому что потом заспится — никогда не вспомнишь.

Что-то в этом было истое: какой-то посланный нам, но не доходящий до нас смысл.

Ещё только чуть брезжило, и Павел Иванович опять заснул. Но в это утро не суждено было ему покоя. Он оказался где-то в темноте, и кто-то невидимый, стоя сбоку, взял его кисть в свою руку и стал выразительно сжимать. И он — понял это предупреждающее сочувственное сжатие: сейчас он что-то увидит, что-то блеснёт и объяснится. Сжатье сильнее — и нарастало в нём чувство: сейчас увижу! — сейчас увижу! — сейчас увижу! Отчасти страх, отчасти жажда увидеть, — и проснулся судорожно.

Отдышался.

Между обоими снами была несомненная связь.

Какие-то знаки посылались, но — неразгадаемые.

Уже вошло солнце. Были те короткие минуты, когда утренний луч пробирался справа мимо стенки трубы и переходил по свешенной вязовой ветке. Иногда вестник радостного утра, иногда безжалостен он был этой резкостью освещения, беспощадно вызывавшей к жизни.

От которой Варсонофьев всё больше отставал по скорости? отодвигался по высоте?

Но время ли так впадать в старость и в отдых? В эту тревожную неделю врывалось наружное и в его уединённость. Нет, начиналась такая пора, что и старые кости ещё нужны будут в дело. Его голос ещё послушает кое-кто.

Хотя вот Льву Тихомирову, с его отстоянной годами одинокой позицией, гордей бы посидеть дома. Зачем он нуждался унижаться, идти являться к новым властям, — увеличивать их значение?

За эти дни Павел Иванович сделал несколько выходов — в университет, в городскую думу, в так называемый «комиссариат», и посидел в Английском клубе в публице на расширенном заседании Комитета общественных организаций, а сегодня был зван в кинематограф «Арс» на заседание кадетской партии.

Не успели ещё миновать дни событий, как городская дума уже была занята их увековечением. Сильно хромой, но непоседливый, энергичный Челноков, со своим хорошим протяжным московским акающим говорком, просил и собирал ото всех «воспоминания об этих днях», как будто всё уже установилось и не было дела важнее. А может из-за того, что ему приходилось уступать пост городского головы, он спешил теперь навёрстывать в истории. Да и все члены думы, — правомочны ли, демократичны ли, всё это теперь заколыхалось, — спешили укрепить себя постановлением о воздвижке грандиозного Дворца-памятника в честь бессмертного переворота, и уже посланы были чиновники узнавать цены строений на Воскресенской площади и во всём Охотном ряду: всё это предстояло снести и срыть для увековечения. (А — жалко было Павлу Ивановичу Охотного ряда.)

Пост городского головы уже предлагался Астрову, но лукавый самоуверенный Астров не хотел принимать, ожидая себе более важное назначение в Петрограде, очевидно в правительстве?

Варсонофьев с удивлением наблюдал эту их напряжённую заинтересованность в новых постах — как будто они совсем не понимали ничтожную шаткость их в ураганном размахе событий.

За восторгами от быстроты и безкровности они теряли ответственность за судьбу страны: ещё во что, ещё во что это перельётся дальше? Неужели такой сильный ток Истории, едва начавшись, может так мирно улечься?

Вообще москвичи считали себя обойденными: они столько вложили в раскачку Освободительного движения, так часто ступали впереди Петербурга — а вот их всех обошли, кроме князя Львова никого не взяли в правительство, ещё Кокошкина там допустили поблизости, — и тем жарче москвичи теперь хором требовали, чтоб Учредительное Собрание собиралось в Москве. Теперь громко заявляли, что революцию подготовил более всех Земгор — а он возник в Москве. А в Петрограде вечные туманы и сырость влияют на психику тамошних людей, и те забывают о насущных нуждах страны. Москва же — центр народного движения против царя, средоточие общественной мысли, колыбель России, — и пора навсегда покончить с петербургским периодом нашей истории.

Оно-то бы и правда, Учредительному — конечно место в Москве.

А комиссариат — то бишь теперь вместо градоначальства — занял генерал-губернаторский дом на Тверской. Там распоряжался, расхаживая под неснятыми портретами всей династии, придавая жестами себе энергии, — хлопотливый, суетливый, недалёкий врач Кишкин, до сих пор управлявший санитарной деятельностью, по которой и выдвинулся из Союза городов. Главная же задача комиссариата была теперь: борьба с возможной контрреволюцией. А выдвинулся Кишкин на том, что 3 марта, в день сумасшедшего революционного трезвона, — ни с кем не сговорясь и никем не уполномоченный, решился показать, что и сам он демократ и вся городская дума, — и, хотя ещё никто не знал тогда об отречении царя, — выступил, что царь «для нас» не нужен.

И сейчас на вопрос Варсонофьева, как он думает овладеть положением, Кишкин нервно отвечал:

— Да не бойтесь вы демократии! Не пугайтесь Совета рабочих депутатов! Вот я работаю с ними уже несколько дней — и не могу себе представить организации более сильной, лучшей и правильно смотрящей. Вы сходите туда сами!

Тут к Кишкину добился режиссёр Большого театра и просил назначить третейский суд ему с хором: хор теперь обвиняет его, что он в царское время был слишком требователен.

Павел Иванович побрёл в университет. Там в богословской аудитории он застал заседание профессоров на тему: моральное очищение университета; и — можем ли мы

мириться в наших рядах с теми, кто нас прежде дискредитировал; и — как нам участвовать во всеобщем становлении революционных взглядов. Решили создавать из профессоров лекторат — для распространения в населении здоровых понятий о государственном устройстве. Так взятая, идея была очень хороша: здоровые понятия о государственном устройстве ой как были нужны — и не только тёмному нашему народу, но и светлой нашей интеллигенции. Однако дальше всё сразу разделилось: а какие же понятия — здоровые?

Тут Варсонофьев не выдержал и подзудил их: вот например, всеобщее избирательное право — это здоровое понятие или нет? А если это только механическая схема, у всех на виду, идея примитивных умов? Единственно ли возможная основа народного представительства? Руководить — всё равно должно государственно-опытное меньшинство, — но к более тонкому построению власти долго и трудно идти.

Очень зашумели. Заострилось: так с какой же платформы лекторы будут объяснять? Одни предлагали: со строго академической позиции. Другие настаивали: нельзя никого лишить права выражать свои партийные взгляды, но можно обязать всех к такой общей платформе: война до победы и всеобщее содействие Временному правительству.

От университета поднимался Варсонофьев медленно по Никитской, как и все прохожие уставая от размеса перемолотого ногами, зернистого, не убранного с тротуаров снега, — и ощущение у него было, что во все эти его выходы, во всех местах, с ним играли какую-то недостойную игру. Пока он сидел невылазно в своём дряхлом домике, глубоко размышлял, видел тайные сны, слушал через форточку обезумелый колокольный звон — он и сам был богаче и предполагал богаче мир вне себя. Но если всё это великое свершение только-то и сводилось к сносу Охотного ряда, послаблению оперному хору, политической очистке профессорских рядов и ежедневному заседанию нескольких собраний в разных залах, из которых правильной всего смотрит Совет рабочих депутатов, — то стоило ли Варсонофьеву выходить? Что ему в этом мире делать?

Верней: пришла ли пора делать?

Ход революции оказался и пошлей — но и таинственней, чем он думал.

Проходя мимо «Униона» у Никитских ворот — должен был сойти с тротуара, обойти у входа группу арестованных, окружённых конвоем. Это были с белыми узелками или с пустыми руками, в штатском или в остатках полицейской одежды люди, жавшиеся, жалкие, напуганные, — медленно, по переключке, запускаемые внутрь.

Варсонофьев спросил, ему объяснили, что это — полицейские и жандармы, свозимые из уезда. Тут, в кинематографе, им место предварительного заключения.

И Варсонофьев — вдруг вспомнил. Вспомнил, как в самом начале войны он с двумя студентами сидел тут в пивной, под «Унионом», — и сказал им что-то вроде: кто знает, ни вы ни я не знаем, что ещё в этом «Унионе» будет.

Не мог он в который раз ещё и ещё не удивиться — всеобщей тайной связи вещей.

Веру Фигнер девушки видели теперь уже не раз, и совсем вплотную: она была высшей руководительницей всего их комитета по помощи освобождённым политическим и иногда приезжала в их центральное бюро при клубе адвокатов. А как раз сегодня вечером их бестужевское отделение (в которое и Фанечка с Веронькой входили) устраивало в Театре музыкальной драмы митинг с участием Фигнер. И уж на сегодняшний день никак бы нельзя отрываться — но именно в 11 часов утра должна была вернуться поездом из Сибири «бабушка русской революции», как все поголовно звали её, — знаменитая Брешко-Брешковская.

И как же было удержаться, не встречать?..

Сорок четыре года назад Екатерина Константиновна, уроженка аристократической семьи, отправилась для пропаганды в гущу простого народа. Через несколько лет она была осуждена по знаменитому процессу 193-х к пяти годам каторжных работ, после каторги бежала с поселения, но неудачно, снова арестована и отправлена на Карийскую каторгу. А дождавшись амнистии по восшествию Николая Второго — скрылась от полицейского надзора и 10 лет была на нелегальном положении. К эсерам она примкнула при самом их основании. 10 лет назад снова была арестована, жила в Сибири на поселении, уже 73-летняя бежала в мужском платье с Лены, поймана, — и вот теперь возвращалась из Южной Сибири триумфально в Петроград — как символ полувековой борьбы за свободу! Небывалый момент!

Брешко-Брешковская была не на одно, а на два революционных поколения старше тётки Адалии и тётки Агнессы. Тётя Адалия, природнённая ко всей народнической традиции, решила непременно сегодня идти встречать «бабушку». Напротив, тётя Агнесса, строго преданная своей анархистской партии, не хотела встречать никого другого первого, кроме Кропоткина, когда он приедет. Хотя отдавала дань и Бабушке: она стояла у колыбели максималистов, это она вселяла в них нетерпение, что революция делается слишком медленно. Теперь отвалились многие спорности между партиями, как: признание-непризнание подполья, террора, участие в парламенте. Но и — всем было жаль покидать свои старые испытанные знамёна.

И вот тётя Адалия пошагала вместе с Веронькой и Фанечкой. Пошагали — потому что именно с тётей Адалией сесть на трамвай было совершенно невозможно, так давились и висели с подножек. Да и цветы в руках чтобы не помять.

А идти было — до Николаевского вокзала. Первоначальный маршрут Брешко-Брешковской был назначен через Москву, чтобы и там могли торжественно встретить. Но уже в пути кто-то где-то перерешил, и теперь она приезжала с вологодской линии.

На Бестужевских курсах занятий всё не было, хотя была резолюция слушательниц: приступить к ним с удвоенной энергией, но и к общественной работе. (По поводу занятий ещё одну сходку собирались делать. Было много идей: требовать увольнения слишком строгих профессоров; и чтобы больше не было оценки «весьма удовлетворительно», а только «удовлетворительно», пусть все будут равны; и вообще — соединиться с Университетом.) Профессора в эти дни мало появлялись на курсах, обслуга не убирала, в аудиториях мусор и даже окурки. Да ходили-то на курсы только на сходки, да один раз на митинг о текущем моменте, устроенный партией эсеров. Не от особой склонности к эсерам, а чтобы своими глазами посмотреть знаменитых революционеров: выступали там и были захлестнуты прибоем оаций — Герман Лопатин и Кулябко-Корецкий. Многих лиц на курсах Вероня уже не видела незапамятно, от самой революции, например Ликони. А с другими, как с Фанечкой, не разлучалась. Из общественной работы настолько не вылезала, что вот и с тётей поговорить было всё некогда.

Главную работу девушки вели по помощи освобождённым политическим. С утра, едва вскакивали, они неслись либо в своё центральное бюро, где с утра же неизменно сидела Ольга Львовна Керенская, либо — по городу со вчерашним заданием: собирать по домам пожертвования, добывать и устраивать квартиры, кровати, бельё, или закупать питание, или помогать устраивать медицинскую и юридическую помощь, или расспрашивать приезжающих о сидевших с ними, и составлять списки тех, и разыскивать навстречу — ведь не все же явятся и попросят. Работа была бы иногда изнурительна, если б не так благодарна своей пользой и человечностью: ведь помогали самым избранным людям, столько страдавшим за счастье народа! (Правда, в бюро являлись за помощью и многие самоосвободившиеся уголовные. Неприятна была роль отказывать им и объяснять почему.)

Ещё в затее было: создать музей ссылки, с предметами обихода ссылных и заключённых, — и уже теперь, имея в виду эту цель, приглядывались и иногда выпрашивали у освобождённых какие-либо вещи.

Потомки будут целовать эти потускневшие кружки и изношенные одежды.

До вокзала дошли в половине одиннадцатого, и уже оказалось поздно. О, что тут творилось во дворах вокзала и на перронах — сбитая толпа, возбуждение, сколько учащейся молодёжи, и гимназисты, и партийные деятели, и, конечно, просто обыватели, — не протолпиться! Худенькую, слабую тётю Адалию так сжали, чуть не раздавили, Вероня и Фаня устроили ей защитную коробочку своими спинами.

Но какая у всех упоённая радость! какое ликование, лёгкость! С какой нежностью выговариваются свято-революционные имена — до Александра Фёдоровича Керенского (наш!) и Николая Семёновича Чхеидзе (наш!). Какое счастливое время! спали оковы с тел и душ. Вчера по Петрограду был слух, что царь сбежал из-под ареста, — ничего подобного, никуда он не сбежал.

И у скольких цветы — гиацинты, тюльпаны, хризантемы! Какая весна! Как засыпят сейчас Бабушку! Что за символическая встреча! Для съёмки приготовился кинооператор, а саму Бабушку ждали убранные вокзальные царские комнаты.

На боковых путях, на стоящие там вагоны и паровозы всюду уже взобралась публика — смотреть.

Затем вскоре раздалась марсельеза мощного оркестра! Думали: это уже подходит поезд, и потому играют. Ах, как великолепно!

Но что-то звуки шли не с той стороны: нарастали, потом стали ослабевать. Объяснилось, что это — по Знаменской площади проходила колонна солдат с оркестром, только и всего.

Как? А своего оркестра — на встрече нет? Ну, это даже обидно, даже оскорбительно, не могли предусмотреть!

Так — и поезд не подошёл? Нет, и поезд не подходил, передавали. Передавали спереди, потому что пробиться было никак нельзя.

Однако позиция девушек и тётки оказалась внезапно выгодной — с их ступенек, подъёмно ведущих из дворика на перрон, они хорошо увидели, как позади них толпа расступалась, расступалась — и бурно аплодировала и кричала.

И Вероня и Фаня увидели — и тоже закричали приветственно. Повезло им увидеть! — это шёл в направлении бывших царских покоев от автомобиля сам Керенский! За все эти революционные дни они видели его впервые! — и теперь просто выхватывали глазами! (Люди зашептали: он признаёт себя учеником Бабушки!)

Стройный, тонкий, он шёл с такой лёгкостью — изящной лёгкостью, но и лёгкостью героя. И в минуемой толпе не глядя ни на кого отдельно, он скользкой скромной улыбкой как бы отвечал им всем.

И какая сосредоточенная умность лица!

О наконец-то, о наконец же Россия в руках умных людей!

И — Фигнер была уже на вокзале. И были деputationи от Архангельска, от Дерпта, от Великих Лук и от Вышнего Волочка.

А поезд всё не шёл и не шёл. С вологодского направления — не шёл. А из Москвы пришёл — и пассажиры и носильщики с чертыханием пробивались через толпу.

Настроение стало охладевать, цветы — повядать, ноги мёрзнуть. Но тётя Адалия воодушевлённо держалась твёрже девушек: для неё Брешко-Брешковская была живая героиня её юности.

По толпе передавали, что к двенадцати часам подойдёт иркутский поезд — и Бабушка будет в нём.

Но не шёл иркутский.

Толпа стала киснуть и редеть. Стало возможным проходить вперёд. Наши пошли туда дальше, на перрон. Да тут был весь интеллигентски-демократический Петроград, знакомые раскланивались.

Потом передали: запрошена станция Званка, иркутский придёт только завтра в 5 утра, но Бабушка с ним почему-то не едет.

Кто-то высказывал, что она — недомогла, сошла с поезда, и теперь приедет только 15 марта.

Но что ж, об этом не могли раньше узнать?

Такая досада!..

А уже когда вернулись к себе на Васильевский, позвонил им знающий знакомый: что запросили телеграфно Омск, — Бабушка не прибыла ещё и в Омск.

(по свободным газетам, 10 марта)

ГРОЗНЫЙ ЧАС...

К НАСЕЛЕНИЮ, АРМИИ И ФЛОТУ

Граждане! Воины! Перед лицом надвигающейся и уже близкой опасности... Недремлющий враг стягивает всё, что можно, к нашему фронту. И если мы не сплотимся... Народу предстоит великий подвиг... Судьбы родины в ваших руках.

Подписали: *Львов... Милюков... Гучков... Шингарёв... Керенский...*

ВОЗЗВАНИЕ. 9 марта 1917.

Воины и граждане свободной России! Германцы накапливают силы для удара на столицу... Захват Петрограда положит конец новому строю... Солдаты, проникнитесь... Только повинясь офицерам... Временное Правительство признаёт глубоко прискорбными и всякие самоуправные и оскорбительные действия в отношении офицеров... И пусть тяжкая ответственность падёт на тех, кто...

Военный и морской министр *Гучков*

Начальник штаба Верховного Главнокомандующего *Алексеев*

...Германия готовит страшный удар на Востоке. Русская революция мешает кровавому кайзеру. Вильгельм хочет восстановить в России старую династию... Россия благословляет свою чудную рать на одоление врага...

СУДЬБА ЦАРЯ. ...Князь Львов ответил нашему корреспонденту: да, вчера мы обсуждали... Большинство склоняется отправить царя с семьёю в Англию. Вопрос об удалении династии из пределов России во всяком случае не вызывает сомнений. Сейчас царь под арестом, меры пресечения приняты.

...Заядлые изменники Романовы, постоянно говорившие о необходимости предать русскую армию только для того, чтобы сохранить престол безумцу-царю и полупомешанной царице из нищих гессенских принцесс...

(«Русская воля»)

...Какое-то гнилое болото у них в душах... Император всероссийский, этот помазанник Божий, ненавидел Россию, и чтобы спасти свой сгнивший престол...

НА СЛУЧАЙ ПОБЕГА. По всем пограничным пунктам России и Финляндии разосланы телеграммы: принять необходимые меры на случай могущего произойти побега Николая Романова из Царского Села.

...Уверенно говорят, что Временное Правительство имеет точные документы, что Романовы желали повторить попытку Людовика XVI... И всегда склонные к сепаратному миру, а на этот раз ради реставрации монархии... Документы настолько серьёзны... Оградить Россию от укуса змей.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ РЕСПУБЛИКА!!!

Петроградское дворянство, приветствуя Временное Правительство, изъявляет полную готовность предоставить все свои силы... Разослали телеграммы дворянствам других губерний...

К Временному Правительству. Мудрые избранники народа! Вы отважно решились стать у власти. Бездну знаний, мужества, таланта приходится вам проявлять. Исполнинские задачи возложены на ваши плечи. Мы радостно выразили присягой свою полную покорность вам.

13-й Уланский Владимирский полк

...Отсутствие хлеба помогло родиться свободе, но дальнейший рост её немыслим без хлеба. Спешите снять с отечества страшную тень голода!

По последним сведениям, крестьянство уже начинает усиливать привоз хлеба на рынок. Теперь затруднения могут быть только временные.

...Из всех гарнизонов Петроградского округа получаются вполне успокоительные сообщения. В большинстве гарнизонов воинские части энергично пресекают попытки грабежей и другие эксцессы.

...Исчезают становые, урядники, исправники, стражники — а в жизни не произошло ни малейшего замешательства.

...местами краткие временные проявления пугачёвщины, ещё не проникшейся радостным величием времени...

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ ОТМЕНЯЕТСЯ в России единым росчерком пера первого народного министра юстиции... Отмена смертной казни — благороднейший дар воссиявшей

свободы! Величайшая в мире революция — безкровно и завершится.

АМНИСТИЯ ДЕЗЕРТИРАМ. ...Уклонение от отбывания воинской службы при старом режиме явилось последствием чрезвычайно тяжёлых условий в рядах войск. Особенно остро это ощущалось людьми интеллигентных профессий. Между дезертирами масса людей интеллигентных, которые оставляли фронт не из трусости, а от режима старого правительства. Теперь они с радостью готовы отдать жизнь, но боятся ответственности. Военный министр Гучков на вопрос нашего корреспондента... Никакого преследования к прежде уклонившимся, если они теперь явятся.

...Жандармы и полиция сидят под замком, а студенты их охраняют. Тут улыбнётся и мёртвый...

НОВЫЕ ПРИСЯЖНЫЕ ПОВЕРЕННЫЕ. Вчера, 9 марта, в московской судебной палате приведено к присяге 110 евреев — помощников присяжных поверенных. Общественный раввин Мазе обратился к ним с речью: «Отныне все сильные и благородные душой могут и должны развить всю энергию и мощь духа... Канули в вечность те времена, когда требовалось стирание национальной личности, отречение от своей веры... Всего более я радуюсь за великую Русь...»

...9 марта на общем собрании петроградской судебной палаты было приведено к присяге 124 еврея, помощника присяжных поверенных, и приняты в присяжные поверенные.

...Русский народ — демократ, это уже не раз отмечали наши публицисты. Изумительна культурность народного восстания...

ТРАГИЗМ ЦЕРКВИ. Черносотенная деятельность церкви, от митрополитов до сельского духовенства, неизбежно наводит на подозрение, что церковь по самой своей природе была связана с рабством. Трудно отказаться от этих подозрений. Но история русского освобождения помянет немало семинаристов добрым словом — сильную бунтующую мысль детей духовенства. 1905 год показал, что духовенство не всё сплошь занято черносотенным идеалом.

Обращение Святейшего Синода к чадам православной церкви.

Свершилась воля Божья... Доверьтесь Временному правительству все вместе и каждый в отдельности... Чтобы подвигами, молитвою и повиновением облегчить ему великое дело... Да благословит Господь труды и начинания Временного российского правительства.

...Отцы церкви впервые свободно вздохнули при Временном правительстве.

Илиодор из Нью-Йорка сообщает, что едет в Россию. Пишет, что «утопит монархию в грязи». Книга его о Распутине «Святой чёрт» будет бесплатно раздаваться народу.

АМЕРИКА И ГЕРМАНИЯ. На днях президент Вильсон сделает заявление конгрессу, что Америка фактически уже находится в состоянии войны с Германией. Русская революция уничтожила последнюю оппозицию в Америке против вступления в войну. Война уже признаётся начавшейся.

Заявление английского правительства в палате общин. На вопрос о безопасности бывшего царя... Нет причин беспокоиться за судьбу его и членов семьи.

ГРОБ РАСПУТИНА ВСКРЫТ. Цинковую крышку разломали на куски, каждый хотел взять себе. Это, говорили, на счастье, как верёвка от повешенного.

ЧЁРНЫЕ АВТОМОБИЛИ. Несмотря на наступившее успокоение — чёрные автомобили продолжают терроризировать публику. Вчера вечером появилось два новых чёрных автомобиля: один мчался с бешеной быстротой мимо Зимнего дворца, другой расстреливал публику в Лесном. Для поимки чёрных автомобилей по городу выслано три бронированных. Нет сомнения, что в ближайшие дни они будут пойманы.

...Дабы получить билет на право входа в Таврический дворец, надлежит обратиться с письменным заявлением к дежурному адъютанту. На следующий день заявившим объявляется резолюция коменданта и кому пропуск разрешён — выдаются билеты.

Подписал: комендант полковник *Перетц*

...Совершенно уничтожить повсюду названия «Александровский» и «Николаевский»...

ДЕКЛАРАЦИЯ ПЕТРОГРАДСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ. ... Проект Венгерова был принят с поправками Иорданского, Ляцкого, Амфитеатрова... Ликует и трепетно волнуется Россия на всём своём великом протяжении... И могут ли не быть переполнены энтузиазмом сердца писателей русских при созерцании чудеснейшего из всех известных всемирной истории переворотов?.. Не литература присоединяется ныне к революции, а революционная Россия осуществила то, что проповедуется русской литературой уже больше 100 лет... Радищев развернул знамя свободы. Первую оду вольности сложил Пушкин... Злая сатира Грибоедова, горький смех Гоголя... Достоевский — певец бедных людей... Тургенев — апостол освобождения крестьян... Некрасов — Гиртей русской революции... Гениальная сатира Салтыкова... Ослепительный успех революционной мысли Белинского, Чернышевского, Писарева, Михайловского... Великие изгнанники Герцен и Лавров...

Веруем и исповедуем, что свободный народ... что небывалый расцвет...

...Вставайте, товарищи художники! Слейтесь в единый весенний поток и с кликом «да здравствует свободное русское искусство!» смойте из дворцов искусства всю императорскую плесень и мишурную мерзость!.. Под красным знаменем революции организовать ячейку революционного правления.

...Митинг в Московском Художественном театре... Чувства святого восторга...

Ч е с т в о в а н и е Г р у з и н о в а. ...Командующий сказал: «Я не стремился к тому посту, который сейчас занимаю. Но судьба поставила меня на это высокое место...»

Ташкент. Великие события приняты русским и туземным населением восторженно.

Киев. В городскую думу включены представители от еврейских организаций. Ночью проведены обыски в поисках Маркова и Замысловского, но тщетно.

Одесса. Собрание чинов полиции, городских и представителей рабочих... Как обеспечить возможность искреннего служения полиции новому строю. Комплект городских сокращается наполовину. Над зданиями участков — красные флаги.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru